

**НЕСОБСТВЕННО-ПРЯМАЯ РЕЧЬ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ:
ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ В ЗАПАДНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ (1912–2012)**

Несобственно-прямая речь (НПР) – весьма распространенный стилистический прием в англоязычных текстах. Посвященные ему исследования появились около ста лет назад. За минувшее столетие взгляды лингвистов на НПР прошли через различные стадии: от формального описания грамматических черт до генеративистики. В настоящее время наиболее распространен подход к изучению НПР со стороны прагматики. В статье рассматривается эволюция взглядов на НПР среди западных лингвистов в период XX–XXI вв.

Ключевые слова: анализ дискурса, несобственно-прямая речь, репрезентация чужой речи.

Несобственно-прямая речь (далее – НПР) сегодня изучается в рамках самых разных областей лингвистики: стилистики, прагматики, нарратологии, лингвистики текста, грамматики.

Со времен публикации первой статьи на эту тему швейцарским лингвистом Ш. Балли в 1912 г. прошло ровно сто лет¹. В связи с такой знаменательной датой представляется интересным проследить эволюцию взглядов на НПР в западной лингвистике и сопоставить различные подходы в оценке данного явления.

Информация об этих исследованиях в России малоизвестна, а на русском языке практически недоступна. Исключение составляют работы Ш. Балли и в меньшей степени Т. Калепки и Э. Лерха, чьи исследования кратко освещаются в настоящей статье.

Анализ опубликованных работ по этой теме позволяет выделить три основных направления (периода) исследований НПР. Самый ранний и длительный период знаменовался так называемым традиционным подходом, который разрабатывался Ш. Бал-

ли, Т. Калепки и Э. Лерхом в начале XX в., а позднее на этой основе в середине века – группой англоязычных британских и американских лингвистов (в частности, Д. Кон и Р. Паскалем).

Во второй половине XX в. приобрел популярность грамматический подход, авторами которого были американские генеративисты во главе с Энн Бэнфилд. Наконец, в 1990-е гг. европейскими нарратологами, в частности М. Флудерник, разрабатывается теория НПР с позиций прагматики.

Активные исследования НПР западные лингвисты предприняли в начале XX в. в Европе на материале французского и немецкого языков. Обзор основных работ данного периода свидетельствует о том, что, хотя в этот период изучались не англоязычные тексты, именно эти ранние работы легли в основу более поздних исследований Р. Паскаля, Д. Кон и др.

Одним из первых исследователей, обративших внимание на НПР, был Ш. Балли, опубликовавший в 1912 г. статью «Le style indirect libre en français moderne». НПР, с точки зрения Ш. Балли, представляла собой

¹ Самое первое упоминание НПР принадлежит Ад. Тоблеру, который описывал ее как промежуточную форму между прямой и косвенной речью [Tobler, 1887]. Но именно статья Ш. Балли 1912 г. положила начало широкому обсуждению приема [Bally, 1912].

объективный и чисто литературный феномен, статичный с грамматической точки зрения.

Ш. Балли указывает, что НПР (он использует термин *style indirect libre*, где *indirect* относится к грамматическим характеристикам местоимений и времен глаголов, а *libre* подразумевает отсутствие кавычек) развилась во французском языке в течение XIX в. и, будучи относительно новым явлением, не изучалась лингвистами: ей не уделяется должного внимания, поскольку это не столько грамматическая форма, сколько форма мысли. Балли же объявляет все три формы передачи речи (прямую, косвенную и несобственно-прямую) грамматическими формами, где НПР – форма косвенной речи, создающая иллюзию прямой. Будучи формой промежуточной, НПР часто переходит в прямую или косвенную путем простого грамматического преобразования. Анализируя примеры из французской литературы XIX–XX вв., Ш. Балли также демонстрирует, как исчезновение субординации из предложения превращает его из образца косвенной речи в НПР [Cohn, 2005. P. 503]. При этом все три формы оказываются объективным способом передачи чужой речи: рассказчик объективно передает речь персонажа, не добавляя ничего от себя, а у читателя складывается однозначное восприятие того, что рассказчик и персонаж суть разные лица. Рассказчик выступает носителем голоса персонажа.

В ответ на статью Ш. Балли были опубликованы работы немецких лингвистов Т. Калепки и Э. Лерха: вступив в полемику с учеником Ф. де Соссюра, они рассматривали НПР как феномен субъективный, представляющий взгляд персонажа, истоки которого следует искать в разговорной речи. Таким образом, НПР представлялась им «гибкой», подверженной психологическим изменениям.

Немецкий лингвист Т. Калепки в статье «О несобственно-прямой речи» (в его терминологии, *Verschleirte Rede*, «завуалированная речь») настаивал на том, что рассказчик – не простой носитель голоса персонажа, как у Ш. Балли, а субъект, и само высказывание, таким образом, не объективно, а субъективно. Кроме того, Т. Калепки, в противоположность Ш. Балли, трактует НПР не как грамматическую форму, но как фигуру мысли [Kalepky, 1913].

В обоснование своей позиции Т. Калепки приводит не рассмотренный Ш. Балли пример использования НПР в восклицательных и императивных конструкциях. Превратить высказывания в косвенную речь путем простой грамматической трансформации по модели Ш. Балли уже не представляется возможным. Рассказчик здесь не воспроизводит речь персонажа как прямую или косвенную, а облекает ее в такую форму, будто он сам и есть автор высказывания. Далее читатель уже сам должен правильно интерпретировать речь как принадлежащую персонажу, а не рассказчику. Таким образом, реальность оказывается «завуалированной», имеет место «обман» читателя. Слова персонажа заменяются речью и мыслями рассказчика [Cohn, 2005. P. 508].

В то время как Ш. Балли и Т. Калепки концентрировались на природе НПР и ее грамматических характеристиках, немецкий лингвист Э. Лерх, последователь школы К. Фосслера, интересовался стилистическим потенциалом приема. В статье «Стилистическое значение НПР» он обозначил, что НПР может выступать как нечто сходное и с прямой, и с косвенной речью [Lerch, 1914].

В определенных случаях НПР не просто передает чужое высказывание, но и демонстрирует, что сказанное действительно произошло (т. е. свершился и сам факт, а не просто прозвучали слова персонажа). Имеются в виду ранее описанные Ш. Балли случаи, когда НПР максимально близка к косвенной.

Э. Лерх обращает внимание на стилистическую окраску используемой лексики: НПР позволяет сохранить оценочные или же стилистически окрашенные элементы, характерные для речи персонажей, но никак не автора. С точки зрения Э. Лерха, при таком употреблении НПР реализуется следующая стилистическая функция: автор описывает незначительных персонажей, не нуждающихся в характеристике через прямую речь. НПР часто встречается в описаниях «обыкновенных, ничем не примечательных» лиц. Отвечая на логичный вопрос, почему авторы не прибегают в таком случае к косвенной речи, Э. Лерх отмечает, что косвенная речь более не пользуется популярностью у современных ему авторов. НПР же, будучи новаторским приемом, придает живость повествованию [Cohn, 2005. P. 512–517]. Пе-

реход же к употреблению НПР ознаменовал, по его мнению, новую тенденцию в литературе, при которой автор либо практически полностью исчезает, перестает быть всезнающим, либо отходит на второй план, поглощается персонажами. Выбор в пользу НПР объясняется так: прямая речь не везде возможна, а косвенная снова вывела бы автора на первый план, что в современной (Э. Лерху) литературе не приветствуется. Становится очевидным, что НПР имеет самое непосредственное отношение к развитию типов повествования.

После полемики на тему НПР в 1912–1914 гг. швейцарских и немецких лингвистов, данная проблема на французском и немецком материале разрабатывается литературоведами (L. Spitzer, O. Walzel, A. Thibaudet). О. Есперсен в «Философии грамматики» (1924) отмечает случаи НПР в датском и испанском языках. Иными словами, появляются предположения, что НПР является универсальным приемом [1958. С. 340].

Таким образом, первые англоязычные исследования НПР в рамках традиционного подхода во многом опираются на разработки швейцарских и немецких лингвистов. Среди основных англоязычных авторов следует назвать прежде всего Д. Кон, П. Гернади и Р. Паскаля.

Примечательно, что НПР оказалась весьма частым для англоязычного художественного текста способом репрезентации сознания героев, между тем ее стилистические особенности так и не были подробно описаны вплоть до середины 1960-х гг.

Д. Кон в статье «Narrated Monologue» [Cohn, 1966] обращается к проблеме отсутствия в англоязычной литературе устоявшегося термина для НПР. Д. Кон рассматривает несколько возможных наименований, в частности *narrated consciousness* и *narrated monologue*, останавливаясь в результате на втором, поскольку *narrated consciousness* («представленное сознание») слишком созвучно термину *stream of consciousness* («поток сознания») и может привести к путанице.

Д. Кон определяет НПР как передачу мыслей персонажа его собственными словами и выражениями при сохранении повествования от третьего лица в прошедшем временном контексте: «The effect of using temporal and spatial indicators of direct dis-

course in the narrated monologue is one of the most powerful tools available to the novelist for locating the viewpoint within the psyche of his characters» [Ibid. P. 105]. В частных случаях при замене прошедших времен на настоящие и третьего лица на первое получается внутренний монолог. Однако это не всегда представляется возможным. Так, в отрывках, подобных следующему примеру из «Портрета художника в юности» Дж. Джойса, прямая трансформация каждого предложения исключена. Стало быть, возможно передавать мысли персонажа, но никак не его действия:

The slide was shot to suddenly. The penitent came out. He was next. He stood up in terror and walked blindly to the box.

At last it had come. He knelt in the silent gloom and raised his eyes to the white crucifix suspended above him. God could see that he was sorry. He would tell all his sins. His confession would be long, long. Everybody in the chapel would know then what a sinner he had been. Let them know. It was true. But God had promised to forgive him if he was sorry. He was sorry. He clasped his hands and raised them toward the white form, praying with his darkened eyes, praying with all his trembling body, swaying his head to and fro like a lost creature, praying with whimpering lips [Ibid. P. 98].

При замене времен и местоимений в данном отрывке создается эффект, будто герой описывает собственные действия в режиме реального времени (I kneel and raise my eyes...), что противоречит самой природе внутреннего монолога. Если же изменить лишь время, но сохранить первое лицо (I knelt and raised my eyes...), то теряется эффект мысли, размышлений – пропадает внутренний мир героя. Текст становится простым описанием его действий. Таким образом, лишь НПР может адекватно осуществить авторскую интенцию. НПР несет дух и стиль внутреннего монолога при повествовании от третьего лица и сообщает прошедшему контексту ощущение недавности.

Рассматривая прием НПР, прежде всего, с литературоведческой позиции, Д. Кон называет причину, объясняющую возникновение и частое применение НПР в прозе в конкретный временной период: поворот романа «внутрь», его постепенное превращение из эпического нарратива в интроспек-

цию, определило общее развитие техник репрезентации внутреннего мира персонажей [Cohn, 1966. P. 106].

В этой связи упоминается имя Дж. Остин, которая сегодня считается «родоначальником» использования НПП в художественной прозе как основного стилистического приема (несмотря на то, что отдельные случаи встречаются даже в «Кентерберийских рассказах» Дж. Чосера). Подробного анализа ее работ Д. Кон не дает, он появится в более поздних исследованиях НПП.

Д. Кон отмечает, что применение НПП (т. е. имитация голоса персонажа голосом рассказчика) дает два возможных эффекта: лирический и иронический. Имеет место либо слияние обоих голосов и идентификация одного с другим, либо насмешливое дистанцирование рассказчика от персонажа (*mock-identification*). Однако часто точно определить эффект представляется невозможным без тщательного анализа.

Опубликованная вскоре после работы Д. Кон (и содержащая много ссылок на нее) статья Пола Гернади «Dual Perspective: Free Indirect Discourse and Related Techniques» впервые различает устную и мысленную речь, переданную НПП [Hernadi, 1972].

П. П. Гернади предлагает использовать термин «*substitutionary narration*», который включает «*substitutionary speech*» и «*thought*». Возводя способ передачи речи к трем типам, выделенным еще Платоном (в зависимости от автора высказывания: речь ли это поэта, героя или же чередование их речей), П. Гернади относит НПП к последнему типу: «*In quasi-Platonic terms this category might be described as discourse in which poet and character speak simultaneously or, more precisely, in which the narrator says in propria persona what one of the characters means*» [Ibid. P. 32]. Кажущиеся авторскими высказывания выражают точку зрения персонажа и несут в себе стилистическую окраску его речи. При подобной организации дискурса речам рассказчика и персонажа нет необходимости чередоваться: они сливаются в двойственную перспективу. Работа Гернади, таким образом, явилась непосредственным предшественником книги Р. Паскаля «*The Dual Voice*» [Pascal, 1977].

Популяризованный Р. Паскалем термин «*dual voice*» («двойной голос») применительно к НПП появился из данного им определения: «*We hear in “style indirect libre” a*

*dual voice, which through vocabulary, sentence structure, and intonation subtly fuses the two voices of the character and the narrator*²» [Ibid. P. 26].

Целью писателя является показать внутренний мир, духовные изыскания, эмоциональные реакции героев. Он располагает двумя видами средств. Косвенные средства включают описания событий, действий, поведения персонажа, а также описание-отчет о его словах, мыслях или чувствах. Прямые средства – это, прежде всего, непосредственная речь героя.

Но здесь писатель сталкивается с рядом ограничений. Во-первых, совершенно очевидно, что для того, чтобы персонаж что-либо рассказал, это ему должно быть известно. Во-вторых, он должен быть в состоянии это осознать и сформулировать. Наконец, необходим некий другой персонаж, с которым герой этим может поделиться. В силу этих ограничений авторы были вынуждены искать способ расширить диапазон возможностей прямого высказывания персонажа.

Одним из таких способов стал перенесенный в литературу прием театральной практики: эпический монолог героя с самим собой («*the self-communing reflection, a soliloquy*») [Ibid. P. 2]. Долгое время эпический монолог выступал в литературе как живая устная речь, обрамленная кавычками и авторской речью («*he thought to himself*»), примеры чего часто встречаются в произведениях как XIX, так и XX в. Но эпический монолог имеет и свои недостатки. В рамках романа длительный монолог героя, подробно описывающий его чувства, предполагает стремление или хотя бы способность персонажа к глубокому самоанализу, что порой резко противоречит его образу. Кроме того, в силу часто слишком формализованного тона, такой монолог не обладает нужной степенью легкости и спонтанности.

Далее, практически любая нарративная форма предполагает удаленность рассказчика во времени и пространстве от описываемых событий. Во-первых, рассказчику известен конечный результат; во-вторых, стиль, темперамент, менталитет рассказчика

² «В НПП нам слышится “двойной голос”, который через лексику, структуру предложений и интонацию неявно объединяет в себе голоса персонажа и рассказчика» (пер. наш. – О. Б.).

и персонажей произведения могут не совпадать. К тому же в конце XIX в. преобладает идея о том, что присутствие автора в его произведениях должно быть сведено к минимуму (об этом говорил еще Лерх), а достоверность изложения может быть достигнута лишь посредством раскрытия личности героев с их же точки зрения (иными словами, автору необходимо смотреть на мир глазами своих героев).

Именно в попытках найти прием, наиболее адекватно передающий внутренний мир (мысли, чувства, переживания) персонажей, и появляется НПП.

Р. Паскаль, в очередной раз отмечая отсутствие устоявшегося термина в англоязычной лингвистике и литературоведении, пользуется термином Ш. Балли «free indirect speech». При этом «free» в трактовке Р. Паскаля подразумевает не столько свободу от подчинительных союзов и вводных глаголов (как у Ш. Балли), сколько свободные отношения между рассказчиком и героем, а также вольности относительно грамматических правил, прежде всего употребления времен и порядка слов в предложении. «Indirect» связано с обилием черт косвенной речи (тут Р. Паскаль жалеет, что не получается сделать акцент на слиянии двух голосов, рассказчика и персонажа, в единое целое). Наконец, «speech» следует трактовать не как устную речь, а как тип дискурса (термин «speech» Р. Паскаль применяет при анализе как мысленных высказываний, так и устных).

Кроме того, представляется важным сохранить ту же терминологию, что и в противопоставлении прямая / косвенная речь (direct / indirect speech), что и сделал Ш. Балли во французском языке (style direct / indirect).

Первым англоязычным автором, полномасштабно включившим НПП в свои произведения, Р. Паскаль вслед за Д. Кон называет Дж. Остин. Представляется удивительным, насколько широко и уверенно писательница использует НПП при столь малой литературной традиции, на которую она могла бы опереться. В произведениях Дж. Остин создаются идеальные условия для НПП: в центре повествования оказываются люди одного класса и одной культуры, чьи ценности, чувства и мысли не представляют для рассказчика загадки.

Паскаль выделяет формальные характеристики НПП у Дж. Остин. Во-первых, в ее

ранних произведениях НПП часто заключена в кавычки. Это показывает, что Дж. Остин осознавала своеобразие приема, его отличие от остального повествования, а главное, близость к косвенной речи. Кроме того, НПП нередко сопровождается вводными авторскими предложениями («he thought», «he felt»). В поздних работах подобные случаи редки. Создается впечатление, что одной из причин использования НПП было как раз желание Дж. Остин избежать косвенной речи: НПП появляется там, где нагромождение подчинительных союзов и придаточных предложений («that... that... and that...») выглядело бы слишком неуклюже.

Дж. Остин прибегает к НПП для передачи как устной, так и мысленной речи персонажей, и порой трудно определить, какая именно имеется в виду в каждом конкретном случае. Мысленная речь по форме максимально приближена к устной, а также автор прибегает к графическим маркерам для подчеркивания субъективности и расстановки акцентов (отдельные слова выделяются в тексте курсивом).

Ценно, что Р. Паскаль не ограничивается чисто формальным анализом, но и выделяет стилистические функции НПП в тексте:

- НПП используется для репрезентации устной и мысленной речи персонажей, как правило – главных;
- если отрывок в НПП расположен в непосредственной близости от устного диалога, мысль, выраженная в НПП несет противоположный ему смысл или оценку;
- НПП воспроизводит характерные для персонажей интонации или идеи в ироничном ключе;
- НПП выражает субъективные точки зрения персонажей, правдивость высказывания в НПП можно поставить под сомнение.

Р. Паскаль считает, что потенциал НПП был раскрыт у Дж. Остин не полностью. В частности, два аспекта не нашли своей реализации в ее работах.

1. НПП никогда не используется для описания визуального и звукового воздействия на героев (пейзаж, интерьер, внешность другого человека).

2. Мысленная речь, даже связанная с волнением, смятением и т. д., неизбежно имеет структуру связной устной речи. Лишь впоследствии другие писатели найдут спо-

соб передать ощущения и восприятия на невербальном уровне, возникающие еще до самого оформления мысли (это относится прежде всего к представителям модернизма).

Параллельно с традиционным подходом с начала 1970-х гг. разрабатывалась и альтернативная теория НПП с точки зрения генеративной грамматики. Группа лингвистов, среди которых основная роль принадлежит Э. Бэнфилд, поставила целью создать предельно объективное описание НПП. Преобладало мнение, что это возможно лишь с помощью сугубо математического подхода, который ограничится описанием грамматическими характеристиками явления (при этом широко применяется генеративистская терминология: *embedded / nonembedded clauses, root transformation* и т. д.). Работы Э. Бэнфилд являются на сегодняшний день грамматически наиболее полным описанием НПП.

Э. Бэнфилд обращается к НПП в рамках критики попыток сформулировать теорию нарратива в соответствии с моделью, предложенной грамматической теорией, где грамматика рассматривается как подтип теории коммуникации. Согласно этой теории, основным для любой нарративной структуры представляется отношение повествователя и читателя (поскольку сама модель языка здесь фокусируется как раз на отношениях между говорящим и адресатом). Э. Бэнфилд же берется продемонстрировать, что в английском языке возможна ситуация, когда повествователь отсутствует (отсюда название основной ее работы «*Unspeakable Sentences*»).

Для этого следует определить, чем отличаются друг от друга три способа передачи чужой речи: прямая, косвенная и несобст-

венно-прямая, т. е. *free indirect style / speech*, причем *free* подразумевает свободу от подчинительной связи: в НПП участвуют независимые (*nonembedded*) предложения без вводящего подчинительного союза *that* (интересно, что в ранних работах, например в статье «*Narrative Style of Direct and Indirect Speech*», Э. Бэнфилд пользуется термином «*free indirect speech*», но со временем переходит к «*represented speech*» [Banfield, 1973]).

Считая сравнение с прямой и косвенной речью оптимальным способом описания НПП (что роднит ее еще с Ш. Балли), Э. Бэнфилд начинает с сопоставления первых двух типов репрезентации чужой речи:

- косвенную речь вводит подчинительный союз *that*;
- глагол в косвенной речи подчиняется правилу согласования времен;
- в косвенной речи совпадает грамматическая категория лица у местоимений, если у них общий референт в главном и зависимом предложениях;
- временные и пространственные дейктические указатели цитируемого речевого акта в косвенной и прямой речи разные.

Э. Бэнфилд доказывает, что перевод прямой речи в косвенную (и наоборот) путем грамматической трансформации невозможен, и, по сути, прямая и косвенная речь грамматически представляют собой абсолютно разные явления.

Первая трудность возникает при использовании местоимений. Так, совершенно невозможно восстановить глубинную структуру для такого примера косвенной речи: «*Smith remarked that I was a writer of your caliber*». Вариантов прямой речи, которые при преобразовании в косвенную дали бы такое предложение, бесчисленное множество:

Smith remarked,	you	are	a writer of	his	caliber.
	Dorothy	is		Sam's	
	The author			that idiot's	

Вторая проблема заключается в том, что существует ряд глаголов, вводящих только прямую речь (*query, intone, think aloud*) или же только косвенную (*believe, recommend, reveal, mention*). Так, предложение *Oedipus believed that his mother was beautiful* не мо-

жет трансформироваться в **Oedipus believed, «My mother is beautiful»* [Banfield, 1982. P. 27].

При попытках грамматически трансформировать прямую речь в косвенную придется столкнуться с меньшим количеством

препятствий. Целый ряд обычных для прямой речи явлений не может быть сохранен при ее переводе в косвенную:

- предложения, прошедшие корневую трансформацию;
- некоторые экспрессивные и эмотивные элементы;
- неполные предложения;
- прямые обращения или вокативные именные группы;
- отдельные случаи пунктуации;
- диалектизмы и прочие стилистические отличия цитируемой речи от речи в независимом предложении³.

Однако в НПР, где размываются границы между прямой и косвенной речью, возможны «нарушения» не только вышеизложенных базовых правил (наличие восклицаний, вопросительных предложений, сохранение диалектизмов и т.д.), но и другие грамматические отклонения.

В частности, в независимых предложениях, где неприменимо правило согласования времен, используется *would* вместо *will*. Встречаются союзы в начале придаточных предложений: «For Lucy had her work cut out for her» (**Clarissa said the for Lucy had her work cut out for her* невозможно. Наречие *so* ставится перед глаголом *seemed*, а не после: *For so it had always seemed to her...* (**Clarissa admitted that so it had always seemed to her*) [Banfield, 1973. P. 11]. В свете этих и других отклонений, часто содержащихся в НПР, логичен вопрос, может ли грамматика объяснить их природу?

Первые четыре из перечисленных выше явлений, возможных лишь в прямой речи, по сути, характерны прежде всего для независимых предложений, а в зависимых – редки. Для структур такого типа генеративисты вводят категорию выражения (E, т. е. *expression*) [Ibid. P. 14]. Причем одной из ее характеристик и является неупотребление в придаточных предложениях (по Н. Хомскому, «the fact that expressive elements and constructions cannot be embedded can be formally expressed by not permitting the node E to be recursive except through coordination») [Ibid. P. 16].

³ В особых случаях диалектизмы, грамматические отклонения и фонетические имитации речи допускаются в зависимом предложении. Например, если такой же стиль используется и в речи автора: «Anse told me that he reckoned it warn't no need to worry».

Косвенная речь представляет собой коммуникативный глагол (*verb of communication*), принимающий предложение (S) в качестве прямого дополнения. О речевом акте и его содержании в данном случае сообщается, но сам он не воспроизводится. Экспрессивные элементы, которые здесь отсутствуют, не влияют на истинность высказывания (т.е. на его *propositional value*). Прямая же речь состоит из двух последовательных независимых предложений в речи, а не главного и придаточного (отсюда и отсутствие вводящего союза *that* в прямой речи). Очевидная связь между двумя этими предложениями обусловлена языковыми процессами, например прономинализацией или так называемым анафорическим принципом («The Anaphoric E Principle distinguishes direct speech from indirect by allowing the quoted speakers own expression to appear after the verb of communication»): *John said, «Bill is ugly»* → *John said this. Bill is ugly* [Ibid. P. 18].

Чтобы точно воспроизводить вербальную коммуникацию, в цитируемом предложении в прямой речи должны появиться новые говорящий и адресат (если только человек не цитирует сам себя). Косвенная же речь отличается тем, что в ней невозможно введение новых референтов для местоимений первого и второго лица в цитируемой части.

Что же в рамках такого подхода представляет собой НПР?

Во-первых, НПР встречается в языковом окружении, характерном либо только для прямой, либо только косвенной речи, либо же предваряется глаголами, которые не могут вводить ни прямую, ни косвенную речь (*deplore, ponder*). Наличие в НПР конструкций-результатов корневых трансформаций, а также экспрессивных элементов, позволяет отнести НПР к категории выражения (*expression*). Следовательно, выражения могут вводиться не только глаголами коммуникации, но и глаголами более широкой группы – сознания (*verbs of consciousness*), среди них – глаголы веры, ощущений, рефлексии. Они не являются глаголами коммуникации и, стало быть, не входят в парадигму говорящий – адресат. На это указывает и то, что эти глаголы не принимают непрямого дополнения, относящегося к адресату:

*I wondered to you if the train would be late.

*John realized to Mary that the train was late.

Более того, существуют и такие глаголы-коммуникации, которые собственно вербальной коммуникации и не подразумевают и не принимают косвенные дополнения (indicate, demonstrate):

*By yawning John demonstrated / indicated, «I am bored».

*John demonstrated that he was bored, and those were his exact words.

В случае с НПР выражения (Е) вводятся глаголами, которые обычно принимают предложения в качестве дополнений. НПР схватывает нечто между речью и мыслью, что невозможно ни переформулировать в форме пропозиции, ни передать с новым референтом для первого лица.

Будучи выражением (Е), НПР может содержать в себе экспрессивно окрашенные элементы и неполные предложения, что придает ей эмоциональный объем. В отличие от косвенной речи, первого лица в НПР быть не может, за исключением вводных предложений. Отличие от прямой речи заключается в том, что в НПР не происходит перемены местоимений при переходе из вводного предложения в цитируемое. Таким образом, как и косвенная речь, НПР не воспроизводит речевой акт, а лишь сообщает о его осуществлении и передает его содержание и / или интерпретацию. Помимо местоимений, следующие факторы указывают на то, что НПР не есть воспроизведение вербальной коммуникации:

- в НПР сохраняются синтаксические и лексические особенности диалектной речи цитируемого, но никогда – чисто фонологические (что возможно в прямой речи);
- НПР никогда не содержит прямых обращений.

Для НПР характерно частое использование местоимений. Поскольку данная форма репрезентации речи не есть изображение вербальной коммуникации, цитируемый не будет постоянно идентифицировать референты вокруг себя через их имена / названия, поскольку они ему и так известны. Если же референт получает имя, это означает, что цитируемого связывает некое особое отношение (пример таких существительных – Grandpa, Daddy, Uncle X, Comrade X и т. д.).

Тот факт, что НПР представляет собой выражение (Е), где цитируемый субъект

представлен в третьем лице, доказывает, что не каждое предложение содержит потенциальное I и you, а следовательно, опровергает гипотезу о том, что любое предложение вписывается в парадигму «говорящий-адресат» [Banfield, 1973. P. 33].

Таким образом, теория Э. Бэнфилда предполагает описать НПР с точки зрения генеративной грамматики через синтаксические маркеры субъективности или экспрессии в независимых предложениях, оставляя в стороне семантические и нарратологические критерии. Также Э. Бэнфилд отрицает существование промежуточных форм репрезентации речи. Эти параметры вызвали резкую критику теории НПР с точки зрения генеративной грамматики и привели к попыткам разработать более полный и адекватный подход к явлению.

Сегодня многие теории НПР базируются на прагматической перспективе, предложенной австрийским нарратологом М. Флудерником. Она начинается с того, что только подход с точки зрения прагматики может помочь понять, как устроен язык. Никакому, даже математически точному, грамматическому описанию это не доступно. Основной работой, в которой изложен прагматический подход, является книга М. Флудерника «The Fictions of Language and the Languages of Fiction» [Fludernik, 1993]; в том же ключе работает ряд других лингвистов (G. Redeker [1991; 1995; 1996], В. McHale, Y. Sharvit⁴ и др.).

Преимущество НПР перед прямой и косвенной речью, по мнению М. Флудерника, заключается в ее относительной «незаметности»: читатель редко осознанно воспринимает ее в тексте как специальный прием репрезентации чужой речи. В результате НПР, как правило, используется для достижения эффекта двусмысленности или же незаметной перемены перспективы. М. Флудерник предлагает определять НПР (free indirect discourse) как интерпретацию читателем чужой речи (т. е. не речи рассказчика), обладающую определенными обязательными признаками. НПР (и вся парадигма репрезентации чужой речи) вписывается в прагматическую модель, состоящую из двух параметров:

- 1) цитируемый речевой акт;

⁴ Sharvit Y. The Puzzle of Free Indirect Discourse. 2006. URL: <http://web.uconn.edu/sharvit/fid7aug06.pdf>

2) интрепретационная способность реципиента воспринимать чужую речь («of recognizing the speaker's and the writer's evocation of another's consciousness or utterance by means of their own discourse») [Fludernik, 1995. P. 103].

Прагматическую природу НПР подчеркивает и тот факт, что НПР может считаться лишь то предложение, которое является (с интерпретационной или семантической точки зрения) репрезентацией речи. На формальном же уровне М. Флудерник выделяет два обязательных признака НПР и ряд второстепенных.

К обязательным относятся:

- линейность референтов, т. е. тот факт, что при выборе личных местоимений в НПР используется дейктическая система цитируемого;
- невозможность употребления структуры «глагол + придаточное дополнение» (т. е. предложения типа *he said that..., they asked if... etc.*).

К опциональным характеристикам НПР М. Флудерник относит многие из тех, которые считались основными в рамках и традиционного, и генеративистского подхода:

- 1) замену настоящих времен на прошедшие;
- 2) наличие авторской речи (бессоюзного вводного предложения типа *he said*);
- 3) пространственный и временной дейкис работает так же, как в косвенной речи;
- 4) наличие экспрессивных элементов, свойственных прямой речи (синтаксических, лексических, семантических – неполных предложений, идиоматических выражений, междометий и т. д.).

Таким образом, НПР обладает двумя обязательными признаками (синтаксическим и дейктическим), а также рядом второстепенных характеристик. М. Флудерник отмечает, что парадигму способов репрезентации чужой речи следует трактовать как континуум промежуточных форм между прямой, косвенной и несобственно-прямой речью (в чем состоит одно из принципиальных отличий от генеративистского подхода).

Непременным условием правильной интерпретации НПР является контекст, т. е. всегда необходимо совмещать формальные критерии (описанные выше) и ситуативное значение. Если из отрывка контекстуально следует возможность, что имеет место ре-

презентация чужой речи (*discourse of alterity*) и выполняются оба обязательных требования, тогда отрывок можно отнести к НПР. Без контекстуальной подсказки, что читатель сталкивается с чужой речью, исключительно грамматические признаки не привели бы к образованию в языке полноценного отдельного приема, который впоследствии получил столь широкое распространение в самых разных текстах.

В заключение хотелось бы отметить, что в настоящей статье нами сделана попытка обобщить и проанализировать развитие всех возникавших научных позиций, посвященных теории НПР в европейской и американской лингвистике с начала XX в.

Примечательно, что если первые исследования данной темы ограничивались простым перечислением формальных признаков, характеризующих НПР, описанием ее наиболее очевидных стилистических функций, то впоследствии лингвисты перешли к глубокому грамматическому анализу, имеющему целью через описание НПР доказать или опровергнуть теории коммуникации. В настоящее время наиболее актуальными являются исследования НПР как с точки зрения прагматики, так и в рамках нарратологического подхода.

Список литературы

- Есперсен О.* Философия грамматики. М.: КомКнига, 1958. 440 с.
- Bally Ch.* Le style indirect libre en français moderne // *Germanisch-Romanische Monatschrift*. 1912. № 4. P. 549–556.
- Banfield A.* Narrative Style and the Grammar of Direct and Indirect Speech. Foundations of Language // *Foundations of Language*. 1973. Vol. 10. No. 1. P. 1–39.
- Banfield A.* Unspeakable Sentences. Narration and Representation in the Language of Fiction. Boston: Routledge & Kegan Paul, 1982. 340 с.
- Cohn D.* Early Discussions of Free Indirect Style // *Poetics Today*. 2005. Vol. 26. No. 3. P. 501–517.
- Cohn D.* Narrated Monologue: Definition of a Fictional Style // *Comparative Literature*. 1966. Vol. 18. No. 2. P. 97–112.
- Fludernik M.* The Fictions of Language and the Languages of Fiction. N. Y.: Routledge, 1993. 531 p.

Fludernik M. The Linguistic Illusion of Alterity: The Free Indirect as Paradigm of Discourse Representation // *Diacritics*. 1995. Vol. 25. No. 4. P. 89–115.

Hernadi P. Dual Perspective: Free Indirect Discourse and Related Techniques // *Comparative Literature*. 1972. Vol. 24. No. 1. P. 32–43.

Kalepy T. Zum «Style indirect libre» («Verschleierte Rede») // *Germanisch-Romanische Monatschrift*. 1913. № 5. S. 608–619.

Lerch E. Die stilistische Bedeutung des Imperfektums der Rede («style indirect libre») // *Germanisch-Romanische Monatschrift*. 1914. № 6. S. 470–489.

Pascal R. The Dual Voice. Free Indirect Speech and Its Functioning in the 19th Century

European Novel. Manchester: Manchester Univ. Press, 1977. 150 p.

Redeker G. Free Indirect Discourse in Newspaper Reports // *Linguistics in the Netherlands*. 1996. P. 221–232.

Redeker G. Quotation in discourse // *Artikelen van de eerste Sociolinguïstische Conferentie*. Delft, 1991.

Redeker G. Voices in journalistic discourse // *Fourth International Cognitive Linguistics Conference*. Albuquerque, NM, 1995.

Tobler A. Vermischte Beiträge zur französischen Grammatik // *Zeitschrift für romanische Philologie*. 1887. № 11. S. 67–74.

Материал поступил в редколлегию 27.07.2012

O. A. Blinova

**FREE INDIRECT DISCOURSE IN ENGLISH:
EVOLUTION OF THEORIES IN EUROPEAN AND AMERICAN LINGUISTICS (1912–2012)**

Free indirect Discourse is a popular device in English language texts. The first enquiry into this phenomenon was published in 1912. Over the following one hundred years, linguists have studied FID from a variety of different perspectives: early basic descriptions of its most obvious grammar features evolved into a generative analysis. Today, the pragmatic approach prevails. The article provides an account of the changing perspective of FID scholars in Europe and the US over the past century (among others, Ch. Bally, R. Pascal, Ann Banfield, M. Fludernik).

Keywords: discourse analysis, free indirect discourse, narrated monologue, represented speech, speech representation.